

Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7340
2020. 7(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Khasimova Leisan – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
(Editor in Chief)

Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
(Deputy Editor-in-Chief)

Khvatsik Yuliya – Belarus state economic university, Minsk, Belarus

Frolova Evgeniya – Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Nevostruev Andrew – Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior,
Moscow, Russian Federation

Zavhorodnia Vladyslava – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **ERIH PLUS** (Norway), **Open Academic Journals Index** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak Republic, 831 04

Release date 20.06.20.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal22.com/>
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Order № 310.

© Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava, 2020

Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava

2020

Is.

1

C O N T E N T S

Articles

Social Networks: Problems of Legal Definition and Correlation with Legal Regime of Electronic Media V.M. Zavhorodnia	3
European Values in Education (Pluralism, Equality, and Non-Discrimination) A.S. Slavko	11

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7340
2020. 7(1): 3-10

DOI: 10.13187/zngup.2020.1.3

<http://ejournal22.com>

Articles

Social Networks: Problems of Legal Definition and Correlation with Legal Regime of Electronic Media

Vladyslava M. Zavhorodnia ^{a, *}

^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

The article is devoted to the study of modern approaches to the legal definition of social networks, electronic media, as well as establishing the correlation between the legal concepts of "social network" and "electronic media". Author analyzes the legislation and practice of Ukrainian courts concerning the activities of social networks, identifies significant gaps in the regulatory framework, as well as critical contradictions in law enforcement practice.

The experience of the USA and the EU with regard to the introduction of social networks and user pages into the legal field as specific forms of creation and distribution of information content has been studied. Measures are proposed to amend the current legislation, taking into account effective foreign practice. The expediency of introducing the term "social media" into the legislation is argued. The nature of activities, both individual bloggers and information groups designed for a wide audience can be attributed as a social media. The status of these actors cannot be unduly regulated, however, it should be different from users for whom the creation and distribution of content is not the main goal. Separate criteria for such a distinction are highlighted, the need for the legislative establishment of identification rules, specific measures of responsibility, opportunities for refuting false information are indicated. It is also suggested to provide, in the case of voluntary state registration, the professional status of a blogger, similar to the status of a professional journalist.

Keywords: electronic media, information, content: social media, social network, social media services regulation.

1. Введение

В 2016 году Заречный суд г. Сумы признал виновным в совершении уголовного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 109 УК Украины («Действия, направленные на насильственное изменение или свержение конституционного строя или на захват государственной власти, совершенные с использованием средств массовой информации» (КК [Ukraine, 2001](#)), гражданина, распространявшего на своей странице в социальной сети сообщения с призывами к насильственному изменению и свержению конституционного строя. Квалификация преступления по ч. 3 указанной статьи основывалась именно на том, что совершалось оно с использованием средств массовой информации. Как определил суд,

---

* Corresponding author

E-mail addresses: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (V.M. Zavhorodnia)

«страница в социальной сети «Вконтакте» использовалась как средство массовой информации в смысле требований абзацев 47, 55 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О телекоммуникациях» и ст. 22 Закона Украины «Об информации»» ([Sprava № 591/442/16-k 5](#)). В судебном решении также отмечается, что публичные призывы к насильственному изменению и свержению конституционного строя, захвату государственной власти и связанные с этими призывами материалы, будучи размещенными на странице в социальной сети и в созданной осужденным группе, стали доступными неограниченному количеству пользователей, автоматически появлялись в ленте новостей «друзей» и подписчиков ([Sprava № 591/442/16-k 5](#)).

Позиция суда отдельными экспертами рассматривается как довольно спорная, именно в части отнесения страницы в социальной сети к категории средств массовой информации ([Svoboda slova, 2017](#)), но приговор не был обжалован и вступил в законную силу. В то же время, в практике украинских судов можно найти и противоположные примеры. Так, уже в 2020 году жительница Волыни была осуждена за призывы в той же социальной сети «взять Киев» и при помощи оружия изгнать представителей действующей власти. Однако, Ковельский горрайонный суд Волынской области не считал возможным применить ч. 3 ст. 109 Уголовного кодекса Украины в контексте совершения призывов с использованием массовой информации, инкриминировав осужденной более мягкую ч. 2 данной статьи. Данный приговор также вступил в законную силу ([Sprava № 159/3137/20](#)).

Действительно, ст. 22 Закона Украины «Об информации», определяющая последние как «средства, предназначенные для публичного распространения печатной или аудиовизуальной информации» ([Pro informatsiui, 1992](#)), оставляет широкое поле для толкования и, в принципе, может охватить как социальную сеть в целом (платформу, предоставляющую те или иные возможности для онлайн коммуникации), так и страничку отдельного пользователя или пользовательскую группу. Это и не удивительно, учитывая, что указанный закон был принят в 1992 году, задолго до массового распространения Интернета, не говоря уже о социальных сетях. Общение в социальных сетях является довольно новой формой общественных отношений. Даже с учетом того, что суть этих отношений сохраняется (будь то правомерная деятельность – реализация права на свободу слова, размещение рекламы, – или совершение противоправных деяний, преступлений с использованием социальных сетей, диффамации), правовое регулирование должно трансформироваться, учитывая специфику социальных сетей. На сегодняшний день, как в Украине, так и в ряде других стран, вопросы онлайн контента, взаимодействия в социальных сетях, частных и публичных аспектов их функционирования не нашли надлежащего юридического закрепления. В частности, проблемным остается и вопрос о том, в каких случаях социальные сети могут (или не могут) рассматриваться как электронные средства массовой информации и какие юридические требования должны к ним выдвигаться. Отсутствие адекватного регулирования в данном случае создает правовую неопределенность, риски негативных последствий для граждан – как тех, кто распространяет информацию, так и тех, кто ее потребляет.

Изучению современных подходов к правовому определению социальных сетей, электронных средств массовой информации, а также установлению соотношения юридических понятий «социальная сеть» и «электронное средство массовой информации» посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Ввиду недавней истории виртуального общения вопросы правового регулирования функционирования социальных сетей пока не разработаны надлежащим образом ни в юридической науке, ни в правоприменительной практике. Так же и законодательство большинства современных государств не содержит детальной регламентации информационных отношений, осуществляемых посредством социальных сетей. Что касается собственно электронных средств массовой информации, то в целом ряде стран существуют специальные нормативно-правовые акты, устанавливающие рамки их деятельности. Изучение нормативных документов Украины и США (как государства, в рамках юрисдикции которого действует большинство наиболее популярных социальных сетей), актов коммунитарного права Европейского Союза, а также судебной практики стало основой

формирования выводов в рамках этой работы. Теоретический базис исследования составляют публикации, анализирующие основные аспекты политики различных государств в отношении электронных средств массовой информации и социальных сетей (Myers, Hamilton, 2014; Mudra, 2015; Richter, Koch, 2008; Slavko, 2020).

3. Обсуждение

Проблема введения функционирования социальных сетей в правовое поле является весьма острой, как для Украины, так и для целого ряда развитых стран, чьи правовые системы рассматриваются на постсоветском пространстве как достаточно эффективные и могущие служить образцами для заимствования передового опыта. Так, по мнению швейцарского политика В.Амерд, социальные сети создают новое измерение в коммуникации и использовании средств массовой информации, которое несет в себе угрозы соблюдению национальных законов и защите основных прав граждан (Rechtliche Basis, 2011). Указанные угрозы и риски, в частности, касаются правил защиты данных, охраны частной жизни, диффамации, дискриминации, разжигания межнациональной или религиозной розни, ненависти между представителями различных социальных групп, носителями противоборствующих идеологий. Несмотря на то, что осознание проблемы и необходимости поиска правовых путей ее решения в научных, политических и юридических кругах общества произошло уже около десяти лет тому назад, сложность и неординарность задачи не позволила пока разрешить ее надлежащим образом.

Понятие социальных сетей толкуется учеными достаточно разнообразно. Так, социальные сети определяют как онлайн сообщества пользователей Интернета, объединенных общими интересами в пределах одного ресурса, на котором они имеют возможность обмениваться информацией, общаться при помощи видеосвязи, получать свежие новости (Mudra, 2015: 209); прикладные системы, которые предлагают пользователям функциональные возможности для управления идентификацией и позволяют поддерживать связь с другими пользователями (Richter, Koch, 2008). Социальные сети (социальные медиа) обозначаются так же как более или менее открытые, интерактивные платформы участия, которые позволяют субъектам общаться, устанавливать и поддерживать отношения; дают пользователям возможность генерировать контент как индивидуально, так и совместно с третьими лицами, делать его доступным для других и делиться им, распространять контент, созданный другими пользователями. Важной особенностью социальных сетей является размывание границ между автором, продюсером, дистрибьютером и пользователем, а также между частной и публичной коммуникацией (Legal Basis, 2011). Кроме того, среди функций социальных сетей особое значение имеют контентно-ориентированные – управление информацией и знаниями; создание, обнаружение, получение сведений, управление и обмен мнениями, знаниями и информацией (Slavko, 2020: 206-207).

Социальные сети обладают такими уникальными чертами, как горизонтальное распространение информации, доступность быстрой обратной связи, создание информационных «ниш» (своего рода информационных подпространств, фокусирующихся на определённой тематической или идеологической сфере), упрощённость коммуникации. Все сказанное дает исследователям основания утверждать, что социальные сети служат также самым эффективным на сегодня средством массовой информации, как в отношении событий глобального масштаба, так и в части локальных новостей, связанных с близким кругом общения пользователя социальной сети (Myers, Hamilton, 2014).

Итак, по целому ряду признаков социальные сети отвечают признакам электронных (или цифровых) средств массовой информации и, выполняют, по крайней мере, часть их функций, связанных с распространением информации, реализацией права на свободу слова и свободу самовыражения. Данный вывод подтверждается и соотносением законодательных дефиниций понятия «средство массовой информации» с приведенными нами выше определениями социальных сетей. Так, как уже отмечалось, согласно ст. 22 Закона Украины «Об информации» средства массовой информации – это средства, предназначенные для публичного распространения печатной или аудиовизуальной информации» (Pro informatsiiu, 1992). В законодательстве США закреплён термин «медиа организация» («media organization»), обозначающий лицо или учреждение занимающееся

распространением информации среди широкой публики посредством газет, журналов, иных печатных изданий, радио, телевидения, иных средств массовой коммуникации ([U.S. Code § 1602](#)). Обе дефиниции, в принципе, могут быть применены и к социальным сетям как средствам массовой коммуникации, распространяющим аудиовизуальный контент, и даже к отдельным пользователям.

В то же время, в п. 21-22 Директивы Европейского Парламента и Совета 2010/13/ЕС от 10 марта 2010 года был представлен несколько иной подход – понятием «аудиовизуальные медиа услуги» охватывались только телевидение и средства массовой информации в связи с их информационным, развлекательным и образовательным влиянием на широкую общественность, а также распространением коммерческой аудиовизуальной рекламы. Специально оговаривалось исключение любых форм частного общения, частных веб-сайтов, случаев предоставления и распространения аудиовизуального контента, созданного отдельными пользователями в целях совместного использования в пределах групп по интересам ([Directive, 2010](#)). Однако, уже в 2018 году Директива (EU) 2018/1808 внесла существенные изменения, констатируя, что рынок медиа услуг значительно и быстро развился вследствие конвергенции телевизионных и Интернет-сервисов. Развитие технологий сделало возможным появление новых видов услуг и новых типов взаимодействия с пользователями. Новые типы контента, в том числе, и созданного самими пользователями, приобретают все большее значение. Такая медийная конвергенция требует обновления регулирования, создания нормативной базы, которая отражала бы реальную ситуацию на рынке, обеспечивала бы, в частности, баланс между доступом к онлайн-контент-сервисам, защитой прав потребителей и конкуренцией ([Directive, 2018](#)).

Знаковым в контексте данной Директивы является признание того факта, что так называемые «социальные медиа сервисы» (*social media services*) становятся важной средой для обмена информацией, развлечений, образования. Соответственно, такие социальные медиа сервисы должны быть включены в сферу регулирования Директивы, поскольку они конкурируют в борьбе за те же аудитории и доходы, что и прочие аудиовизуальные средства массовой информации. Кроме того, они могут стать ареной распространения вредного контента – площадками для разжигания ненависти, дискриминации, подстрекательства к насилию, совершению террористических актов.

Признаком, на основании которого социальные медиа сервисы должны включаться в сферу регулирования Директивы, является основное функциональное назначение, при котором аудиовизуальный контент не является вспомогательным, дополнительным или имеющим незначительный объем. Иначе, если страница в социальной сети специально создана для регулярного транслирования информации, новостей, аналитических материалов, видео контента и т.д., фактически, она должна подпадать под режим средства массовой информации.

Понятно, что определение в каждом конкретном случае функциональной направленности социального медиа представляет значительную сложность, поэтому Директива уполномочивает Европейскую Комиссию издавать практические рекомендации в отношении применения критерия основного функционального назначения социального медиа сервиса, а также обеспечения общественных интересов и права на свободу выражения взглядов ([Directive, 2018](#)).

Что касается США, то функционирование социальных сетей регулируется рядом федеральных документов, главным образом, Законом о телекоммуникациях ([47 U.S. Code](#)); Законом об авторском праве в цифровую эпоху ([Digital Millennium, 1998](#)), а также законами отдельных штатов. В соответствии с американским законодательством проведено четкое различие между онлайн-платформой, предоставляющей возможность для коммуникации и пользователями.

Раздел 230 Закона о телекоммуникациях (так называемый Закон о порядочности в коммуникациях – *Communications Decency Act (CDA)*) защищает веб-платформы от ответственности за вред, причиненный контентом, который разместили пользователи, например, в случае публикаций клеветнической информации, нарушения конфиденциальности и совершения иных гражданско-правовых деликтов. Таким образом, если пользователь размещает клеветнический или иной незаконный контент, социальная сеть не несет ответственности за вред, причиненный в связи с публикацией.

Однако, эти правила не применяются в отношении уголовных преступлений и нарушения прав интеллектуальной собственности, а также, если онлайн платформа полностью или частично создает информацию или обрабатывает ее. Так, в деле *Fair Housing Council of San Fernando Valley v. Roommates.com* Апелляционный суд США для 9-го округа постановил, что иммунитеты CDA не распространяются на веб-сервис, разместивший анкету для потенциальных квартиросъемщиков. Вопросы этой анкеты, среди прочего, касались поиска партнеров для совместного проживания и давали возможность выдвинуть желаемые требования к такому партнеру, написать необходимые комментарии. В ряде случаев такие требования и комментарии носили дискриминационный и оскорбительный характер. Суд решил, что, сформировав анкету такого рода, требуя у пользователей отвечать на вопросы о гендере, сексуальной ориентации (в качестве обязательного условия регистрации на веб-сервисе), Roommates.com создал не только площадку для коммуникации, но и существенно повлиял на содержание контента. Тот факт, что пользователи веб-сервиса создавали информационный контент, отнюдь не означает, что Roommates.com не является также поставщиком информации (*Fair Housing*).

Что же касается непосредственно пользователей социальных сетей, то к ним в США применяются стандартные меры ответственности за диффамацию или размещение иного незаконного контента.

4. Результаты

В Украине, как уже отмечалось, существуют серьезные пробелы в правовом регулировании онлайн коммуникации. С одной стороны, статус средства массовой информации требует государственной регистрации и влечет за собой ряд юридических последствий. С другой, – нормативно в надлежащей степени урегулирован только статус печатных средств массовой информации (*Pro drukovani zasoby*, 1992), телевидения и радиовещания (*Pro telebachennia*, 1993; *Pro telekomunikatsii*, 2003). Специального законодательства нет не только в отношении социальных сетей и их отдельных пользователей, например, блогеров, чьи страницы направлены на как можно более широкий охват аудитории и максимальное распространение информационного контента, но даже и сайтов новостей и прочих онлайн-изданий. Требование обязательной государственной регистрации в качестве средства массовой информации для таких ресурсов не предусмотрено. В какой-то степени это способствует свободе слова, так как позволяет новостным сайтам быть относительно свободными в собственной деятельности от контроля со стороны государства. В то же время, такой правовой вакуум приводит к появлению сайтов, дающих информацию в провокационной и шокирующей форме, игнорирующих стандарты журналистской профессии и этики. Такие сайты зачастую даже не имеют никаких контактов редакции, к которой можно было бы обратиться за исправлением неточной информации, использованием права на опровержение. Кроме того, отсутствие официального статуса у редакции лишает и журналистов прав и дополнительной защиты, обусловленной профессиональным статусом (*Onlain ZMI*, 2019).

Еще один фактор, который вызывает ряд вопросов и может создавать реальную угрозу манипулирования общественным мнением – распространение в социальных сетях и других электронных средствах массовой информации непроверенной, или умышленно ложной информации, использование роботов или «фейковых аккаунтов» с целью распространения определенных идей, призывов, оценок событий. В случае, когда такие информационные кампании становятся действительно массированными, потребителям информации становится довольно сложно установить, сделано сообщение настоящим человеком от своего имени, или фальшивой, несуществующей в реальной жизни личностью, или вообще машиной, оснащенной искусственным интеллектом.

Думается, проанализированный нами опыт США и ЕС дает основания указать на существенные моменты, которые могли бы оптимизировать правовую регламентацию в данной сфере. Социальные сети существенно отличаются и от традиционных печатных средств массовой информации, и от телерадиовещания, и даже от новостных сайтов и информационных агентств, осуществляющих деятельность исключительно в Интернете. Однако эти веб-платформы дают пользователям возможность выйти за рамки частного общения и выполнять практически все функции средств массовой информации.

Целесообразным в этой связи представляется введение в законодательство термина «социальные медиа», к которым по характеру деятельности могут быть отнесены и отдельные блогеры, и информационные группы, рассчитанные на широкую аудиторию. Статус этих субъектов не может быть излишне зарегулирован, однако он должен отличаться от пользователей, для которых создание и распространение контента не является основной целью. Одними из критериев, в частности, может быть получение доходов от рекламы, использование призывов подписываться и реагировать на контент и т.д. Должны быть установлены правила идентификации, меры ответственности, возможности для опровержения ложной информации (которые сейчас определяются преимущественно пользовательскими соглашениями социальных сетей), а в случае добровольной регистрации в качестве социального медиа – предоставлен определенный профессиональный статус блогера, близкий по содержанию к статусу журналиста.

5. Заключение

Названные и другие проблемы требуют немедленного правового решения. Безусловно, заслуживает одобрения попытка принять закон «О медиа», проект которого в конце 2019 г. был подан в Верховную Раду Украины (Proiekt, 2019). Однако, следует признать, что, предусматривая ряд положений по регулированию электронных средств массовой информации, этот проект не решает вопросов, которые касаются именно социальных сетей и блогеров.

References

- 47 U.S. Code – 47 U.S. Code Title 47 Telecommunications. Legal Informational Institute [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47>
- Digital Millennium, 1998 – Digital Millennium Copyright Act. H.R.2281 [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281>
- Directive, 2010 – Directive 2010/13/EU of the European Parliament and of the Council of 10 March 2010 on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services (Audiovisual Media Services Directive). EUR-Lex. Access to European Union law. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32010L0013>
- Directive, 2018 – Directive (EU) 2018/1808 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 amending Directive 2010/13/EU on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services (Audiovisual Media Services Directive) in view of changing market realities. EUR-Lex. Access to European Union law. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/1808/oj>
- Fair Housing – Case of Fair Housing Council of San Fernando Valley v. Roommates.com. No. 04-56916 CV-03-09386-PA [Electronic resource]. URL: <http://cdn.ca9.uscourts.gov/datastore/opinions/2008/04/02/0456916.pdf>
- KK Ukrainy, 2001 – Kryminalnyi kodeks Ukrainy [Criminal Code of Ukraine] vid 5 kvitnia 2001 roku № 2341-III [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>
- Legal Basis, 2011 – Legal Basis for Social Media Report of the Federal Council in Fulfilment of the Amherd Postulate. 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.doerre.com/jugendschutz/20081204_bpjm_index.pdf
- Mudra, 2015 – Mudra, I. (2015) Sotsialni merezhi v Interneti yak instrument prosuvannia «zarazhenoi» informatsii [Social networks on the Internet as a tool to promote "infected" information] *Tele ta radiozhurnalistyka*. 14:208-212.
- Myers, Hamilton, 2014 – Myers, M., Hamilton, J. (2014). Social Media as Primary Source. *Media History*. 20: 431-444.
- Onlain ZMI, 2019 – Yak zareiestruvaty onlain ZMI [How to register online media]. Tsentr demokratii ta verkhovenstva prava. 2019. 25 sichnia. [Electronic resource]. URL: <https://cedem.org.ua/consultations/yak-zareiestruvaty-onlajn-zmi/>
- Pro drukovani zasoby, 1992 – Pro drukovani zasoby masovoi informatsii (presu) v Ukraini: Zakon Ukrainy [The Law of Ukraine On printed mass media (press) in Ukraine] vid 16 lystopada

1992 roku № 2782-XII. Baza «Zakonodavstvo Ukrainy». [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2782-12#Text>

[Pro informatsiiu, 1992](#) – Pro informatsiiu: Zakon Ukrainy [The Law of Ukraine on information] vid 2 zhovtnia 1992 roku № 2657-XII. Baza «Zakonodavstvo Ukrainy». [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2657-12#Text>

[Pro telebachennia, 1993](#) – Pro telebachennia ta radiomovlennia: Zakon Ukrainy [The Law of Ukraine On Television and Radio Broadcasting] vid 21 hrudnia 1993 roku № 3759-XII. Baza «Zakonodavstvo Ukrainy». [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=3759-12&p=1217856518710949#Text>

[Pro telekomunikatsii, 2003](#) – Pro telekomunikatsii: Zakon Ukrainy [The Law of Ukraine On Telecommunications] vid 18 lystopada 2003 roku № 1280-IV. Baza «Zakonodavstvo Ukrainy». [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1280-15#Text>

[Proekt, 2019](#) – Proekt Zakonu pro media [The Draft of Media Law] № 2693 vid 27 hrudnia 2019. Verkhovna Rada Ukrainy. [Electronic resource]. URL: https://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=67812

[Rechtliche Basis](#) – Postulat 11.3912 Rechtliche Basis für Social Media [Legal framework for social networks]. 2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.parlament.ch/de/ratsbetrieb/suche-curia-vista/geschaefte?AffairId=20113912>

[Richter, Koch, 2008](#) – Richter, A., Koch, M. (2008). Functions of Social Networking Services / COOP 2008: Proceedings of the 8th International Conference on Designing Cooperative Systems: May 20th – 23th, 2008. Carry-le-Rouet, Provence, France. [Electronic resource]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/af45/bfbd61fcea36d04ba0b48e09d5432240569c.pdf>

[Slavko, 2020](#) – Slavko, A., Zavhorodnia, V., Shevchenko, N. (2020). Protection of One's Honor, Dignity, and Business Reputation on Social Networks: Issues and Ways to Resolve Them. *International Journal of Media and Information Literacy*. 5(2): 205-216. DOI: 10.13187/ijmil.2020.2.205

[Sprava № 159/3137/20](#) – Sprava № 159/3137/20 [Case № 159/3137/20]. Yedynyi derzhavnyi reiestr sudovykh rishen. [Electronic resource]. URL: <https://reyestr.court.gov.ua/Review/91751963>

[Sprava № 591/442/16-k](#) – Sprava № 591/442/16-k [Case № 591/442/16-k] / Yedynyi derzhavnyi reiestr sudovykh rishen. [Electronic resource]. URL: <https://reyestr.court.gov.ua/Review/55398181>

[Svoboda slova, 2017](#) – Svoboda slova: storinku sumchanyna u sotsialnii merezhi sud vyznav zasobom masovoi informatsii [Freedom of speech: the court recognized the citizen's page on the social network as a mass media]. *The Sumy Post*, 2017. 7 kvitnia. [Electronic resource]. URL: https://sumypost.com/sumynews/sobytiya/svoboda_slova_stornku_sumchanina_u_socialnj_mer_ezh_sud_viznav_zasobom_masovo_nformac/

[U.S. Code § 1602](#) – U.S. Code. Chapter 26. Disclosure of Lobbying Activities. Legal Informational Institute. [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/2/chapter-26>

Социальные сети: проблемы юридического определения и соотношения с правовым режимом электронных средств массовой информации

Владислава Николаевна Завгородняя ^{а, *}

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.zavhorodnia@uabs.sumdu.edu.ua (В.Н. Завгородняя)

^a Сумской государственный университет, Украина

Аннотация. Статья посвящена изучению современных подходов к правовому определению социальных сетей, электронных средств массовой информации, а также установлению соотношения юридических понятий «социальная сеть» и «электронное средство массовой информации». Проанализировано законодательство и практика украинских судов в отношении деятельности социальных сетей, установлены существенные пробелы в нормативно-правовом обеспечении, а также значительные противоречия в правоприменительной практике.

Изучен опыт США и ЕС в отношении введения в правовое поле социальных сетей и пользовательских страниц как специфических форм создания и распространения информационного контента. Предлагаются меры по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство с учетом эффективной зарубежной практики. Аргументирована целесообразность введения в законодательство термина «социальные медиа», к которым по характеру деятельности могут быть отнесены и отдельные блогеры, и информационные группы, рассчитанные на широкую аудиторию. Статус этих субъектов не может быть излишне зарегулирован, однако он должен отличаться от пользователей, для которых создание и распространение контента не является основной целью. Выделены отдельные критерии такого разграничения, указано на необходимость законодательного установления правил идентификации, специфических мер ответственности, возможностей для опровержения ложной информации; предоставления, в случае добровольной государственной регистрации, профессионального статуса блогера, близкого по содержанию к статусу журналиста.

Ключевые слова: электронные средства массовой информации; информация; контент; социальные медиа; социальные сети; правовое регулирование социальных медиа сервисов.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7340
2020. 7(1): 11-19

DOI: 10.13187/zngup.2020.1.11

<http://ejournal22.com>

European Values in Education (Pluralism, Equality, and Non-Discrimination)

Anna S. Slavko ^{a, *}^a Sumy State University, Ukraine

Abstract

Successful economic and political integration into the Europe is impossible without intellectual and cultural integration, without the perception of European values by the majority of the population. Mostly the perception of values is related to the processes of knowledge acquisition and ideology formation, which are usually part of the educational process. That is why teaching in school and universities should be closely linked to the perception of values.

The basic European values in education are pluralism, equality and non-discrimination. These values are enshrined in both the law of the Council of Europe and the law of the European Union. However, law enforcement practices within both organizations show that these values are also the most frequently attacked.

In particular, in the cases of *Janowski v. Poland*, *İzzettin Doğan and others v. Turkey* ECHR has stressed the importance of pluralism as a marker of a democratic society. The applicants in cases of *Folgerø and Others v. Norway*, *Hasan and Eylem Zengin v. Turkey*, *Leyla Şahin v. Turkey*, *Lautsi and others v. Italy* complained of encroachment on pluralism in educational institutions.

To the importance of equality and non-discrimination in education ECHR was addressed in the cases of *Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark*, *D.H. and others v. the Czech Republic*, *Oršuš and others v. Croatia*, *Ponomaryovi v. Bulgaria*, *Altınay v. Turkey* and others.

In Ukraine, both pluralism and equality and non-discrimination are formally determined as the principles of the educational process. However, the analysis of the law enforcement practice shows that in reality the situation is not so comforting. Improvement of the situation is possible because of amendments to the legislation and adjustment of the behavior of educational process participants.

Keywords: human rights, anti-discrimination, pluralism, European values, European Union, Council of Europe, European Court of Human Rights.

1. Introduction

For a long time, pluralism has remained one of the main markers of a democratic political regime and a market economy. The idea of competition between political parties, ideologies, goods and services and so on is based on the principle of pluralism. That is why it is felt that pluralism should also exist in the education system, which largely shapes future citizens, employees and consumers. However, government regulation and standardization remain less room for pluralism in educational institutions.

Equality and non-discrimination are also integral parts of the system of European law principles and important values of European civilization. Equality and non-discrimination underlie

* Corresponding author

E-mail addresses: a.slavko@uabs.sumdu.edu.ua (A.S. Slavko)

legal equality. Non-discrimination and pluralism are interdependent and can only exist in a complex. In particular, pluralism is the reason why "others" arise. It is "otherness" that is the cause of discrimination, which ultimately causes irreparable damage to pluralism. Therefore, the inextricable link between these values necessitates their comprehensive study, including in matters of education.

2. Materials and methods

Issues related to the basic principles of education cannot be called new to legal science and practice. However, given the constant expansion of teaching methods and instruments (for example, using of online courses) and the continuous coverage of at least school education of the entire population of European countries, they do not lose their relevance both for legislators and scholars. The study of normative documents of Ukraine and some European states, acts of Community law of the European Union, as well as the case law of the European Court of Human Rights became the basis for drawing conclusions within this work. The theoretical basis of the study are publications that analyze the main aspects of the policies of different countries on values, their content and protection ([Prisjazhnij, 2013](#); [Gonjukova, 2009](#); [Lippert-Rasmussen, 2013](#); [Heinrichs, 2012](#); [Bell, 2009](#); [Chopin, Germaine, 2020](#)).

3. Discussion

It should be noted that pluralism is defined as an idealistic philosophical doctrine, an outlook on which numerous independent spiritual entities are at the heart of the world ([Slovnyk ukrainskoi movy](#)); as philosophical ideas, doctrines, theories in which the concept of "multiplicity" as a quantitative dimension of reality is understood on different conceptual bases, the peculiarity of which is the moment of substantial difference (including opposition) of "multiplicity" ("plurality") from oneness (one as one) ([Philosophical Encyclopedic..., 2002: 487](#)); as diversity and one of the fundamental principles of the structure of a legal society, affirming the legitimacy of the diversity of subjects of economic, political and cultural life of society ([Prisjazhnij, 2013](#)); as a constitutional recognition of the free existence of various ideological movements ([Gonjukova, 2009](#)), etc.

Pluralism is also understood as a state of society in which members of diverse ethnic, racial, religious, or social groups maintain and develop their traditional culture or special interest within the confines of a common civilization ([Merriam-Webster](#)) or as the view that in liberal democracies power is (or should be) dispersed among a variety of economic and ideological pressure groups and is not (or should not be) held by a single elite or group of elites ([Britannica](#)).

All these positions agree that pluralism implies diversity, alternatives and choices in the fields of ideology, politics, religion, philosophy and law. The importance of the role of pluralism in society is emphasized, in particular, by Article 2 of the Treaty on European Union, which mentions it as one of the values of the European Union and the activity of the Committee of Ministers of the Council of Europe, which periodically updates the recommendations on pluralism in the media. However, legislation and international treaties contain virtually no definitions of "pluralism".

In turn, discrimination is a form of unequal treatment of people based on their gender, ethnic origin, religious beliefs, social status, health status, and so on. Researchers underlined that an individual can be discriminated *in favor* of as well as *against*. Ignoring cases where initially the discriminatee is much better off than others, if the discriminator treats the discriminatee worse (or better) than others, we have a case of discrimination against (or in favor of). In cases where an agent treats people differently but treats no one worse than others, she/he discriminates between them ([Lippert-Rasmussen, 2013](#)). Thinking about moral and ethical side of discrimination, researchers say that two principles are central to the concept of discrimination: the Aristotelian principle, according to which like cases should be treated alike, and the principle of relevance, according to which a certain trait is amorally valid reason to treat persons differently if and only if the trait in question is relevant to the given circumstances ([Heinrichs, 2012](#)).

Ukrainian legislation defines discrimination as a situation in which a person and/or group of persons on the grounds of race, color, political, religious and other beliefs, sex, age, disability, ethnic and social origin, citizenship, marital and property status, place of residence, linguistic or other features that were, are and may be valid or presumed, is restricted in the recognition, exercise or use of rights and freedoms in any form, except where such restriction has a legitimate, objectively justified purpose, methods achievements of which are appropriate and necessary

(Article 1 of the Law of Ukraine "On Principles of Prevention and Counteraction of Discrimination in Ukraine") ([Pro zasady..., 2012](#)). The definition formulated by the Ukrainian legislator is quite cumbersome. For example, in Finland a more concise term is used: Discrimination is direct if a person, on the grounds of personal characteristics, is treated less favourably than another person was treated, is treated or would be treated in a comparable situation (Section 10 of Non-discrimination Act of Finland) ([Non-discrimination Act](#)).

Article 4 of the abovementioned Law of Ukraine underlines that education is one of the areas of anti-discriminations rules enforcement. Prevention and counteraction of discrimination are enshrined as one of the tasks of the National Strategy of Ukraine in the field of human rights ([Pro zatverdzhennia..., 2015](#)). Anti-discrimination is also identified as an objective of the political dialogue between Ukraine and the EU under the Association Agreement (Article 4).

Anti-discrimination is also one of the basic tasks of the European Union. In particular, Article 2 of the Treaty on European Union, already mentioned above, enshrines equality and non-discrimination as the values on which the Union is founded. Equality and non-discrimination are also reflected in Articles 20, 21 and 23 of the EU Charter of Fundamental Rights. According to these articles, everyone is equal before the law and any discrimination based on any ground such as sex, race, colour, ethnic or social origin, genetic features, language, religion or belief, political or any other opinion, membership of a national minority, property, birth, disability, age or sexual orientation shall be prohibited ([Charter of Fundamental Rights...](#)). The European Union reached a turning point with its anti-discrimination legislation in 2000, when were adopted two Directives which altered the character of EU anti-discrimination law –the Racial Equality Directive and the Employment Equality Directive. Initially, its legislation had predominantly focused on discrimination against EU migrant workers, as well as gender discrimination connected to participation in the labour market ([Bell, 2009](#)). EU anti-discrimination legislation now includes the Treaty of EU, the Treaty on the Functioning of the EU, the Charter of Fundamental Rights, Employment Equality Directive (2000/78/EC), Racial Equality Directive (2000/43/EC), Gender Goods and Services Directive (2004/113/EC) and Gender Equality Directive (recast) (2006/54/EC) ([Handbook...](#)). On 17 November 2017, the European Parliament, the Council and the European Commission proclaimed the European Pillar of Social Rights. It is a soft-law document built upon 20 key principles. By proclaiming the European Pillar of Social Rights, the European Union took a strong stance towards non-discrimination ([Chopin, Germaine, 2020](#)).

In the legal doctrine and judicial practice conceptions of direct and indirect discrimination can be found. Based on the provisions of Article 2 of Council Directive 2000/43/EU of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of racial or ethnic origin, it should be noted that direct discrimination is when one person is treated less favorably than to another in a similar situation due to the presence of a certain trait (social or ethnic origin, race, language, religion, health or property status, gender, sexual orientation, etc.). Indirect discrimination, in turn, is a case where a clearly neutral provision, criterion or practice would place persons endowed with a protected feature in a particularly unfavorable situation compared to other persons, unless that provision, criterion or practice is objectively justified by a legitimate aim and the means that are appropriate and necessary to achieve this goal ([Council Directiv..., 2010](#)).

It is also worth noting the non-discrimination in the law of the Council of Europe. In particular, the prohibition of discrimination is mentioned in such acts of the Council of Europe as:

- Framework Convention for the Protection of National Minorities;
- Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention);
- Convention on Action against Trafficking in Human Beings;
- Convention on Access to Official Documents;
- Protocol to the Convention on Cybercrime;
- Convention on Human Rights and Biomedicine and others.

The Council of Europe has adopted a number of acts to create an atmosphere of equality and respect for everyone and non-discrimination in educational institutions. The examples of these acts are the Recommendations of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe "Education against School Violence" of 2011, "Cultural Education: Promoting Cultural Knowledge, Creativity

and Intercultural Understanding through Education" of 2009, "The Place of the Mother Tongue in School Education" from 2006, "Education and Religion" of 2005, "Access of Minorities to Higher Education" of 1998 and Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe "On Education and Social Inclusion of Children and Youth with Autism Spectrum Disorders" of October 2009, "On Education of Roma and Travelers in Europe" of June 2009, "Gender Integration in Education" of October 2007, "Access to Higher Education" of March 1998, etc.

4. Results

However, it seems that the greatest contribution to the development of pluralism and anti-discrimination principles was made by the European Court of Human Rights. In its decisions, it filled the rules of international treaties and conventions with real content. Given that one of the principles of the ECtHR's activity is the principle of non-illusory rights guaranteed by the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the Court has consistently defended pluralism and equality in its practice.

The ECtHR has repeatedly pointed to the central role that pluralism plays in a democratic society. In particular, in the case of *Janowski v. Poland* Court emphasized that without "pluralism, tolerance and broad-mindedness" there is no "democratic society" (§ 30) ([Case of Janowski..., 1999](#)). In the case of *İzzettin Doğan and others v. Turkey* ECtHR highlighted that pluralism is inseparable from a democratic society. The Court therefore stated that religious pluralism includes, inter alia, the freedom to hold or not to hold religious beliefs and to profess or not to practice religion (§ 103) ([Case of İzzettin Doğan..., 2016](#)). In doing so, pluralism and democracy must be based on dialogue and a spirit of compromise (*Karácsony and others v. Hungary*, § 141) ([Case of Karácsony..., 2016](#)).

The Court also emphasized the leading role of the State in making every effort to create political (eg, *Yumak and Sadak v. Turkey*, § 106), media (*Centro Europa 7 SRL and Di Stefano v. Italy*, § 130) and religious pluralism.

The right to education, as was already mentioned earlier, is at the forefront of the catalog of human rights guaranteed by the Convention and its Protocols. In doing so, Article 2 of Protocol No. 1 obliges the State to perform any functions which it has assumed in the field of education and training, to respect the right of parents to provide such education and training in accordance with their religion and worldviews. It is in the context of religious and ideological pluralism that, most often, difficulties have arisen in the exercise of the right to education that the ECtHR has considered.

In particular, in the case of *Folgerø and Others v. Norway* the Court stated that the right to education should be exercised in the light of respect for the religious and philosophical convictions of the parents, whether public or private. The second sentence of Article 2 of Protocol No. 1 is aimed at protecting pluralism in education, which is important for preserving a "democratic society" within the meaning of the Convention. The state's duty of respect for beliefs is broad, as it concerns not only the content of education and the way it is delivered, but also the fulfillment of all "functions" assumed by the state. The word "respect" means more than "acknowledge" or "take into account". In addition to the negative obligation, it implies a certain positive obligation on the part of the state (§ 84). It should be recalled that in this case the court stated that a mandatory KRL discipline, which predominantly taught the basics of Christianity, violated religious pluralism and constituted an unjustified interference with the right guaranteed by Article 2 of Protocol No. 1 ([Case of Folgerø..., 2007](#)). Similar findings were also reiterated by the Court in the case of *Hasan and Eylem Zengin v. Turkey*, which also referred to the compulsory study of the basics of religion at school: "The Court holds that in a democratic society, only pluralism in education can enable students to develop a critical mind about religious issues in the context of freedom of thought, conscience and religion" (§ 69) ([Zengin, 2006](#)).

However, in the case of *Leyla Şahin v. Turkey*, where the applicant complained about her ban on wearing traditional Islamic clothing to the university, the Court saw no violation of either freedom of religion (religious pluralism) or the right to education ([Şahin, 2005](#)). Similarly, the Court did not find encroachment on religious pluralism in *Lautsi and others v. Italy*, where the applicants complained about the placement of crucifixion in every classroom in the public school. The ECtHR emphasized that the organization of the school environment is undoubtedly one of the positive obligations of the state in the context of the right to education. It is clear, however, that the

applicant could see in practice the use of crucifixion at school by the State's lack of respect for its right to provide for their studying and teaching in accordance with its own philosophical convictions. However, the subjective perception of the applicant is not in itself sufficient to establish a violation of Article 2 of Protocol No. 1 ([Case of Lautsi..., 2011](#)).

As was mentioned above, it seems that the European Court of Human Rights has played a central role in shaping approaches to combating discrimination in education too – its decisions have long been seen as an indicative precedent for Council of Europe member states to amend legislation and law enforcement practices accordingly. In particular, in accordance with Article 13 of the Law "On Enforcement of Judgments and Application of the Case Law of the European Court of Human Rights", the so-called "general measures" may be taken to enforce judgments of the ECtHR to administrative practice, for example providing legal expertise of draft laws, providing professional training on the study of the ECHR and the practice of the ECtHR of practitioners in the field of law ([Pro vykonannia..., 2006](#)).

As we can see, discrimination is related to the fact that a discriminated person has a certain characteristic that belongs to the "protected". The analysis of the Court's practice allows us to identify the following groups of discrimination cases in the educational process:

Discrimination on the grounds of language

The case "*Relating to Certain Aspects of the Laws on the Use of Languages in Education in Belgium*" or the *Belgian language case* became one of the first cases in which the applicant complained of discrimination in the educational process. In it, the French-speaking applicants complained that Belgium did not give their children a proper opportunity to study in French in the municipalities where they lived.

Analyzing the provisions of Belgian education legislation in the light of Council of Europe law, the ECtHR noted that the right to education guaranteed by Article 2 of Protocol No. 1 to the ECHR includes at least two elements: the right of access to existing educational establishments and the possibility for individuals, who is a beneficiary of educational services, to receive a certain formalized recognition of her achievements (for example, a certificate or diploma of education) (§4). The Court emphasized that the ECHR required the State to respect only the "religious" and "philosophical" beliefs of the parents, but not their linguistic characteristics. Article 2 of Protocol No. 1, even in conjunction with Article 14 of the Convention, does not guarantee the child or his or her parents the right to receive instruction in the language of their choice ([Belgian language case, 1968](#)).

In its proceedings, the Court found that there were monolingual regions in Belgium where the majority of the population spoke either French or Dutch (Flemish). At the same time, Flemish-speaking children living in the French-speaking region had access to Flemish schools in six communes, while French-speaking children living in the Flemish-speaking Flemish region were denied access to French-speaking schools in the same communes. In addition, Flemish classes in six communes were open to children who spoke it in the Flemish monolingual region, while French classes in these communes were not available to French-speaking children in the region. This situation was considered discriminatory, as Belgium did not provide a reasonable explanation for the difference in attitudes towards Flemish and French-speaking children.

Discrimination on the grounds of religion

In the case of *Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark* the applicants complained about mandatory sex education lessons in public schools. The Danish Government argued that this discipline was necessary in view of the large number of early and unplanned pregnancies, but the applicants insisted that, for religious reasons, they did not want their children to be told about sexual intercourse. The court noted that Denmark has provided an alternative in its legislation for parents who want to separate their children from integrated sex education – they can either send their children to private schools for which sex education is not compulsory, or teach their children at home. The applicants alleged that they had been discriminated against on the basis of religion, but the ECtHR disagreed. According to the Court, there is a difference between religious instruction and sex education – the former disseminates principles, not knowledge (§56) ([Case of Kjeldsen..., 1978](#)). Therefore, the need to take a sex education course while it relates to scientific knowledge of sexual relations is not discrimination.

Racial and ethnic discrimination

In case *D.H. and others v. The Czech Republic* ECtHR made a detailed analysis of the mechanism of indirect discrimination ([D.H., 2017](#)). The applicants in the case, members of the

Roma community, complained that their children were mostly admitted to specialized schools with facilitated curricula as a result of the tests. The analysis of these tests showed that they were designed for Czech children and did not take into account possible cultural differences, as a result of which Roma children with average or above-average intelligence found themselves in specialized schools. The test results could be challenged, but the Court did not agree that the parents of Roma children, who themselves belonged to a discriminated minority and were predominantly ill-educated, were indeed fully aware of this possibility. It also seems undeniable that parents are faced with a dilemma: choosing between regular schools, which were poorly equipped to meet their children's social and cultural differences, and where their children were at risk of isolation and ostracism, and special schools, where most students were Roma (§ 203). Consequently, in the present case the Court found that there was indirect discrimination. A similar situation has developed in the case of *Sampanis and others v. Greece*, in which the applicants, members of the Roma community, complained about the segregation of their children and the possible refusal to enroll them in a local primary school ([Sampanis, 2008](#)). The court concluded that the conditions of entering school of Roma children and special preparatory classes for them, which were located in a room separate from the main building of the school, were ultimately discrimination against them. In the case of *Oršuš and others v. Croatia* the applicants also complained about their segregation into separate Roma classes with a facilitated program ([Case of Oršuš..., 2010](#)). The Government justified such measures by the applicants' alleged poor knowledge of the Croatian language, but the unsystematic transfer of the applicants from Roma to non-Roma classes did not support these arguments. As a result, according to the applicants, only 16 % of Roma children were able to complete secondary education, compared to 91 % of the total number of secondary school students. In the Court's view, the applicants had been discriminated against on ethnic grounds. The applicants in *Lavida and others v. Greece* complained that the Government had set up a separate school for Roma children, in which they were forced to attend, despite more territorially convenient alternatives ([Case of Lavida..., 2013](#)). Pointing to certain successes of the government in the socialization of Roma in the field of education, the ECtHR nevertheless emphasized the existence of discrimination.

Discrimination on the grounds of citizenship

In the case of *Ponomaryovi v. Bulgaria* the applicants complained about the need to pay for schooling ([Case of Ponomaryovi..., 2011](#)). In Bulgaria, school education is free for citizens and foreigners who have the right to reside in the country. The applicants were Russian nationals, so they had to pay 800 and 2,600 euros for tuition, which they considered to be discrimination on grounds of nationality. The Court emphasized that States enjoy the right to restrict the provision of valuable services to illegal migrants or foreigners with short stays, but the right to education, as directly protected by the Convention, should not belong to such services. The Court noted that more and more countries are now moving towards a so-called "knowledge-based society", so that secondary education is playing an increasingly important role in successful personal development and in the social and professional integration of stakeholders. In modern society, the availability of no more than basic knowledge and skills is an obstacle to successful personal and professional development. This prevents stakeholders from adapting to their environment and has far-reaching consequences for their social and economic well-being (§57) ([Case of Ponomaryovi..., 2011](#)). Moreover, the applicants, who spoke Bulgarian fluently and grew up in Bulgaria, were unlikely to need special training conditions. Therefore, restricting their access to secondary education through high pay is discriminatory.

Discrimination on the grounds of disability and/or health

Blind applicant in the case of *Çam v. Turkey* tried to study in a conservatory ([Case of Çam..., 2016](#)). Despite passing the creative examination, the administration of the conservatory refused to allow the applicant on the grounds of disability. They tried to justify the refusal both by non-fulfillment of formalities (failure to submit all necessary documents) and by the unsuitability of the conservatory for training blind people. The Court stated that Article 14 of the Convention should be read in the light of the reasonable accommodation requirements of these texts, which should be understood as "necessary and appropriate changes and adjustments that do not impose a disproportionate or undue burden, depending on the needs of the situation" and that people with disabilities have the right to expect them in order to "satisfy or realize, on the basis of equality with others, all human rights and all fundamental freedoms". Such a reasonable accommodation makes

it possible to correct factual inequalities which cannot be justified and constitute discrimination (§64) ([Case of Çam..., 2016](#)). Consequently, the applicant's refusal on the grounds of her disability and the lack of attempts to adapt the conditions of her studies at the conservatory to be suitable for blind persons were found by the Court to be discriminatory.

The applicant in the case of *Enver Şahin v. Turkey* suffered serious injuries while studying at the university, which led to paralysis of his legs. The applicant applied to the university with an official letter requesting that the premises be adapted so that he could attend classes freely. The university administration replied that the adaptation of the premises required time and money, and therefore the applicant should not expect a speedy resolution of the situation. The applicant lodged a complaint with the national court against the university and sought compensation for the damage, but the court did not grant his claim. After examining the circumstances of the case, the Court concludes that the domestic authorities, including, in particular, the university and judicial authorities did not act with the necessary diligence to ensure that the applicant could continue to exercise his right to education on an equal ground with other students and did not make a fair balance between competing interests (§68) ([Case of Enver Şahin..., 2018](#)).

Note that the list of protected features that may give rise to discrimination in Article 14 of the ECHR, Article 1 of Protocol № 12 to the ECHR and Article 21 of the EU Charter of Fundamental Rights is not exhaustive. For example, in the case of *Altınay v. Turkey* the applicant complained of discriminatory treatment of graduates of vocational schools compared to graduates of regular schools. In the last year of the applicant's schooling, the government changed the rules for entering universities by establishing a scoring system which provided significant benefits to school graduates. The applicant requested to be transferred to a regular school, but his request was not granted. As a result, the applicant was unable to enter the university, although if his diploma had been credited as a school diploma, he would have had sufficient points to enter the desired faculty. The court pointed out that higher education issues usually fall within the scope of state discretion and university autonomy. However, in this case it was not only about the difference in behavior, but also about the inconsistent behavior of the government, which violated the principle of legal certainty. In view of the lack of foreseeability for the applicant of changes to the rules on access to higher education and the absence of corrective measures, the Court held that the non-equal treatment restricted the applicant's right to access higher education and was therefore a violation of Article 14 of the Convention in conjunction with Article 2 of Protocol № 1 (§60) ([Altınay, 2013](#)).

5. Conclusion

Combating discrimination in educational institutions, as far as protecting pluralism in them, is one of the most important tasks of the state. Despite a number of achievements on the way to bringing the domestic educational space closer to standards of ECtHR, a number of problems remain unresolved, including:

- 1) Cases of imposing on pupils and / or students compulsory classes on the basics of Christian ethics or Christian religion, the basics of Christian morality. In our opinion, the study of these disciplines in the secular state, which Ukraine declares itself to be, should be exclusively optional;
- 2) Low involvement of Roma representatives in school study. It is seen that the state should promote the maximum socialization of Roma, primarily through preschool, school and higher education;
- 3) Low level of educational institutions adaptation to the education of persons with disabilities. Increasing the inclusiveness of the Ukrainian school is impossible without adequate funding for the development of new curricula and re-equipment of premises;
- 4) Low level of predictability of changes in educational legislation. It seems obvious that changes to the educational legislation, in particular those concerning the rules of entering university, the content of programs of entrance/final examinations and tests, requirements for future entrants, etc. should not be retrospective in nature and apply to those who pass the relevant exams in the current academic year. This will allow pupils and students to choose their learning trajectory with more confidence.

It is seen that the search for optimal ways to solve these problems opens wide prospects for further research in this area.

References

- Altinay, 2013** – Case of Altinay v. Turkey of 9 July 2013. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122497>
- Belgian language case, 1968** – Case Relating to Certain Aspects of the Laws on the Use of Languages in Education in Belgium of 23 July 1968. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57525>
- Bell, 2009** – Bell, M. (2009). Advancing EU Anti-Discrimination Law: the European Commission's 2008 Proposal for a New Directive. *The Equal Rights Review*. 3: 7-18. [Electronic resource]. URL: <https://www.equalrightstrust.org/ertdocumentbank/mark%20bell.pdf>
- Britannica** – Pluralism. Britannica [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/pluralism-politics>
- Case of Çam..., 2016** – Case of Çam v. Turkey of 23 February 2016. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161149>
- Case of Enver Şahin..., 2018** – Case of Enver Şahin v. Turkey of 30 January 2018. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-180499>
- Case of Folgerø..., 2007** – Case of Folgerø and others v. Norway of 29 June 2007 / European Court of Human Rights HUDOC. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81356>
- Case of İzzettin Doğan..., 2016** – Case of İzzettin Doğan and others v. Turkey of 26 April 2016. European Court of Human Rights HUDOC. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162697>
- Case of Janowski..., 1999** – Case of Janowski v. Poland of 21 January 1999. European Court of Human Rights HUDOC. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58909>
- Case of Karácsony..., 2016** – Case of Karácsony and others v. Hungary of 17 May 2016. European Court of Human Rights HUDOC. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162831>
- Case of Kjeldsen..., 1978** – Case of Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark of 7 December 1976. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57509>
- Case of Lautsi..., 2011** – Case of Lautsi and others v. Italy of 18 March 2011. European Court of Human Rights HUDOC. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104040>
- Case of Lavidia..., 2013** – Case of Lavidia and others v. Greece of 30 May 2013. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-120188>
- Case of Oršuš..., 2010** – Case of Oršuš and others v. Croatia of 16 March 2010. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97689>
- Case of Ponomaryovi..., 2011** – Case of Ponomaryovi v. Bulgaria of 21 June 2011. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-105295>
- Charter of Fundamental Rights...** – Charter of Fundamental Rights of the European Union 2012/C 326/02. EUR-Lex. Access to European Union law. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT>
- Chopin, Germaine, 2020** – Chopin, I., Germaine, C. (2020). A comparative analysis of non-discrimination law in Europe 2019. European Union, 2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.migpolgroup.com/wp-content/uploads/2020/05/A-comparative-analysis-of-non-discrimination-law-in-Europe-2019.pdf>
- Council Directive..., 2010** – Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of racial or ethnic origin. EUR-Lex. Access to European Union law. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32000L0043>
- D.H., 2017** – Case of D.H. and others v. The Czech Republic of 13 November 2007. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-83256>

Gonjukova, 2009 – *Gonjukova, L.* (2009). Politichnij pljuralizm jak umova rozvitku demokratichnoï derzhavi: evropejs'kij dosvid [Political pluralism as a condition for the development of a democratic state: the European experience]. *Visnik Nacional'noi akademii derzhavnogo upravlinnja pri Prezidentovi Ukraini*. 3: 195-201.

Handbook... – Handbook on European non-discrimination law. European Union Agency for Fundamental Rights and Council of Europe, 2018. [Electronic resource]. URL: https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2018-handbook-non-discrimination-law-2018_en.pdf

Heinrichs, 2012 – *Heinrichs, B.* (2012). What Is Discrimination and When Is It Morally Wrong? *Jahrbuch für Wissenschaft und Ethik*. 12: 97-114. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/236633286_What_Is_Discrimination_and_When_Is_It_Morally_Wrong

Lippert-Rasmussen, 2013 – *Lippert-Rasmussen, K.* (2013). Born Free and Equal?: A Philosophical Inquiry into the Nature of Discrimination [Electronic resource]. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199796113.001.0001/acprof-9780199796113>

Merriam-Webster – Pluralism. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/pluralism>

Non-discrimination Act – Non-discrimination Act of Finland. FinLex [Electronic resource]. URL: <https://finlex.fi/en/laki/kaannokset/2014/en20141325.pdf>

Philosophical Encyclopedic..., 2002 – Philosophical Encyclopedic Dictionary, Abris, 2002. 751 p.

Prisjashnij, 2013 – *Prisjashnij, P.* (2013). Pravovi standarti Radi Evropi shhodo pljuralizmu ZMI: vidobrazhennja v ukrains'komu zakonodavstvi ta dotrimannja v nacional'nomu informacijnomu prostori [Council of Europe Legal Standards on Media Pluralism: Reflection in Ukrainian Legislation and Compliance with the National Information Space]. *Tele- ta radiozhurnalistika*. 12: 202-211.

Pro vykonannia..., 2006 – Pro vykonannia rishen ta zastosuvannia praktyky Yevropeiskoho sudu z prav liudyny: Zakon Ukrainy [Law of Ukraine On the implementation of decisions and application of the case law of the European Court of Human Rights]. Vid 23.02.2006 № 3477-IV. Baza «Zakonodavstvo Ukrainy». [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3477-15>

Pro zasady..., 2012 – Pro zasady zapobihannia ta protydii dyskryminatsii v Ukraini: Zakon Ukrainy [Law of Ukraine On Principles of Prevention and Counteraction of Discrimination in Ukraine]. Vid 06.09.2012 № 5207-VI. Baza «Zakonodavstvo Ukrainy». [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5207-17#Text>

Pro zatverdzhennia..., 2015 – Pro zatverdzhennia Natsionalnoi stratehii u haluzi prav liudyny: Ukaz Presyidenta [Presidential Decree On approval of the National Strategy in the field of human rights]. Vid 25.08.2015 № 501/2015. Baza «Zakonodavstvo Ukrainy». [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/501/2015>

Şahin, 2005 – Case of Leyla Şahin v. Turkey of 10 November 2005. European Court of Human Rights HUDOC. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956>

Sampanis, 2008 – Case of Sampanis and others v. Greece of 5 June 2008. HUDOC European Court of Human Rights. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86798>

Slovnyk ukrainskoi movy – Slovník ukrajinštiny [Dictionary of Ukrainian language]. Portal ukrains'koi movy ta kul'turi. [Electronic resource]. URL: <https://www.slovnyk.ua>

Zengin, 2006 – Case of Hasan and Eylem Zengin v. Turkey of 9 October 2007. European Court of Human Rights HUDOC. [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82580>